

A book cover featuring a man and a woman. The man, on the left, has a full brown beard and curly hair, wearing a dark suit, white shirt, and dark tie. He is looking down and to the right. The woman, on the right, has long, wavy brown hair and is looking directly at the camera. She is wearing a black off-the-shoulder top. The background is a warm, indoor setting with a window and a plant.

ЮЛИЯ РЕЗНИК

Девочка
В ПОДАРОК

Юлия Резник

Девочка в подарок

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68778054*

Аннотация

Что подарить человеку, у которого все есть? Конечно же то, чего у него никогда не было.

Роман о том, как пресытившиеся жизнью плейбои подарили своему негласному лидеру счастье.

Содержит нецензурную брань

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	47
Глава 6	57
Глава 7	67
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Юлия Резник

Девочка в подарок

Глава 1

– А вот это, как мне кажется, идея! Слушайте! – велит поджарый симпатичный брюнет и, глядя в экран лежащего у него на коленях айпада, зачитывает: – Особую ценность имеет подарок, сделанный своими руками!

– Может быть. Если тебе пять, а день рождения намечается у твоей матери. А Браге-то это дерьмо на кой?

– Почему сразу дерьмо? – упрямится Марат. Исподтишка зачерпывает горсть песка, чтобы бросить другу на голую блестящую от масла для загара грудь. А что? Не хрен так беспечно отмахиваться от его идей! Он уже себе весь мозг вынес, а эти двое только и могут, что зубы скалить. Видели бы их те, кто зовет эту парочку серьезными бизнесменами.

– По кочану! Тебе сказать, куда пойти, или сам адрес знаешь?! – рычит Антон, отряхиваясь.

– А что я? Я, по крайней мере, стараюсь придумать что-нибудь путное! Назар, вот ты! Не хочешь поучаствовать в мозговом штурме? – толкает еще одного друга Панаев. Здесь, на Лазурном берегу, их собралось четверо. Арсений Брагин, Марат Панаев, Антон Дубина и Назар Звягинцев.

Лучшие друзья. И, если верить последней статье в Форбсе, топ рейтинга «самые завидные женихи страны». За исключением женатого Марата. У которого, правда, с женой все не слава богу.

– Чего сразу Назар? Ты ж полез в интернет. Вот и ищи теперь идеи, раз взялся. Что там было про «своими руками»? Марат, нахмурившись, возвращается к статье:

– Как вариант здесь предлагают связать имениннику шерстяные носки.

Мужики переглядываются. Начинают ржать. М-да... Представить хоть кого-то из них со спицами и клубком шерсти сложно.

– Кто писал эти идиотские рекомендации? – возмущается Марат. – Арс, ну хоть ты нам скажи. Может, тебе хочется чего-то конкретного?

– В рамках рубрики «своими руками»? Можешь сшить куклу вуду. Буду тыкать в нее иголки, когда ты в очередной раз примешься колупать мне мозг.

– Ну, я же серьезно! Колись, чего ты хочешь?

– Чтобы вы от меня отъебались? Тоже мне праздник... – равнодушно протягивается будущий именинник, заставляя жалобно застонать под своим немалым весом добротный деревянный лежак. Марат, Антон и Назар коротко переглядываются:

– Нет. Так дело не пойдет! Что это за юбилей без подарка?

– Юбилей у меня был в прошлом году. И кое-кто мне стро-

го-настроного запретил его праздновать.

– Все потому, что сорок – паршивая дата. Отмечать ее не рекомендуют, спроси кого угодно. Надо сначала пережить этот год, а уж потом делать все, что пожелаешь.

– В смысле теперь мы будем праздновать то, что я еще не издох? – лениво усмехается Брагин.

– Мы будем праздновать твой сорок первый день рождения, ни больше, ни меньше! – стоит на своем Марат. – Так чем мы можем тебя порадовать?

Вопрос, надо сказать, непраздный. Даже всезнающий интернет хоть и пестрит статьями о том, что подарить человеку, у которого есть все на свете, на деле, как оказалось, ничего толкового не предлагает.

– Может, тебе по силам удержать цены на нефть? – провокационно вскидывает бровь Арсений, львиная часть доходов которого зависит от цен на энергоносители. Когда те падают, Арс ходит злой, как черт. – Нет? Тогда даже не знаю. – Задумчиво чешет густую бороду: – Как насчет ничем? Посидим нормально, отдохнем по-взрослому, вот и весь праздник.

– Нет! Так дело не пойдет, – хмурится Панаев.

– Я согласен с Маратом, – неожиданно вклинивается в разговор Антон. Дубина в их компании, можно сказать, белая ворона. Потому что блондин. Да и разбогател он позже других. А потому меньше других избаловался. – Нужно придумать что-нибудь необычное. Вроде той поездки на Шанта-

ры.

О, вылазка на Шантарские острова действительно получилась запоминающейся. Сначала самолет, за ним вертолет и яхта, и только потом девственные необитаемые острова. А главное, никаких баб и связи. Чисто мужская компания, сапборд, океан и... величественные киты. Это были неопи-суемые эмоции. Невероятные китовые песни прошибали да-же самых зажавшихся, самых заматеревших циников. Они потом, как мальчишки в летнем лагере, захлебываясь, дели-лись друг с другом эмоциями. Сидя у костра под пронизы-вающим до костей ледяным ветром...

– Например? С китами мы плавали, неприступные горные вершины покоряли... Были даже на северном и южном по-люсах.

– Как такое забыть? Я же три дня блевал. Сам не знаю, как выжил.

– Да там все блевали! Зато когда шторм закончился, бы-ло классно. Пингвины такие прикольные. Только непонятно, что теперь. Мы же вроде все уже видели.

– На земле так точно. Жирный минус наличия денег – очень скоро не остается ничего, что могло бы тебя удивить или порадовать.

– Есть такое, – соглашается Назар. – Тогда, может, Арса в космос отправить? Не знаешь, кто-нибудь в ближайшее вре-мя летит?

– Ты совсем двинулся? Это ж подготовку надо иметь! К

тому же наш Брага парень большой, – ржет Марат, похлопывая Арсения по богатырскому плечу. – Хрен он в какой челнок поместится. Если только предварительно сесть на диету и как-то усохнуть.

– Диета? Это точно подарок на день рождения? – возмущается Брагин.

– А я о чем? Вариант так себе, – ухмыляется в ответ Антон.

– О! Оказывается, подарки можно подбирать еще и по складу характера, – вклинивается в разговор Марат, вновь что-то вычитав в своем айпаде.

– Это еще как?

– Ну, вот ты у нас, Брага, кто по темпераменту? Холерик, сангвиник, флегматик или меланхолик?

– В душе не ебу.

– Холерикам рекомендуют покупать все самое броское. А потом вручать с пафосом, на людях. Например, сертификат на одежду модного дизайнера. Что скажешь?

– Да ну на хрен.

– Так и думал я, что ты не холерик. Хм... Сангвиник больше ценит комфорт.

– О, это мне нравится, да.

– Значит, твой идеальный подарок – одеяло с подогревом, – ржет Марат, отбрасывая планшет. – Ну его к лешему, такую хрень понаписывали!

– Угу. Я предпочитаю, чтобы меня в постели грели жен-

щины.

– Кстати, о них. Может, тебе какую-нибудь экзотику организовать, м-м-м? Какой у тебя не было, Арс? Темнокожей? Так была вроде... Та актрисулька, да? Висла на тебе – мама дорогая! Азиатки-близняшки...

– Ни слова про азиаток, – сощуривается Арсений. Но сколько бы он не корчил грозных рож, мужики один черт едва сдерживаются, чтоб не заржать, вспоминая ту давнюю историю, произошедшую с ними в Бангкоке.

– Прости. С мальчиком в Тае неловко вышло, – все же гогочет Антон.

– Вам смешно, а чувак мог жизни лишиться, когда я его причиндал увидел. Не был бы таким бухим, так точно бы отправил его на тот свет. А бухой я добрый.

Мужики смеются еще громче. Услужливый официант убирает бутылки с нагревшимся пивом и ставит новые, запотевшие. Кайф.

– Может, пару лесбух найти?

– Скучно. И к тому же это мы проходили. Разве не с тобой дело было? – Арсений оборачивается к Антону.

– Со мной, ага, – оскаливается тот.

– Эй, а почему мы пропустил это увлекательное мероприятие? – возмущается Марат.

– А хрен его знает. Может, у вас с Фаридой очередное потепление случилось?

– Может быть... – Марат встает. Тянется к своей бутыл-

ке. – Ну, что ж. Сложный ты клиент, Арсений Валерьевич. Девочки у тебя на любой вкус были. Мальчика ты не хочешь...

– Ошибаешься.

– Хочешь мальчика?! – округляет глаза Панаев.

– Да не про то я, тьфу! – давится пивом Брагин. – Ты как скажешь что-нибудь! Твою мать. – Вытирает полотенцем бороду.

– А про что?

– Про девочку. Ее-то у меня как раз и не было. В смысле, чтобы прям девочки-девочки.

– Целки, что ли?

– Ну что же ты так грубо, Назар, – усмехается Арсений.

– Серьезно? Ни разу?

– Не-а.

– Так мы подгоним. С бантом! – бьет по ляжкам Марат. – Что ж ты раньше молчал?! Мы же себе весь мозг сломали. Эй, мужики, есть идея, где Браге найти подарочек?

– Э-э-э, поумерь энтузиазм. Я ж просто так ляпнул. К слову, – морщится Арсений.

– А как же утверждение, что в этой жизни надо попробовать все?

– Ну, если в удовольствие, то конечно. Но какое удовольствие спать с той, кто ни черта не умеет? Будет бревном лежать, а ты пыхти, раскачивай. Еще переживай, чтоб не порвать с моими-то габаритами. Оно мне надо? Забудь.

– Такую идею взять и выкинуть на помойку?! Серьезно?

– Отмети ее как неосуществимую, – усмехается Брагин. –

Чет я перегрелся, похоже. Пойдем, что ли, поплаваем?

– Почему сразу – неосуществимую? – не сдается Марат, шагая за другом к морю. Антон с Назаром плетутся чуть позади.

– Потому что. Меня не привлекают малолетки, а среди барышень постарше девственницы вымерли как вид.

Брагин разворачивается к другу спиной, выставляет перед собой руки и с удивительным для таких габаритов изяществом ныряет, рассекая бирюзу моря красивыми мощными гребками.

– Что думаете?

– Что тут думать? Арс все правильно сказал, – пожимает плечами Антон.

– У нас еще две недели. Что мы – девочку не найдем? Да если поднапрячься...

– Где искать будем? Возле детского сада? – шутит Звягинцев. – Ты сам-то когда в последний раз с целкой имел дело? Было после школы хоть раз?

– Речь сейчас не обо мне.

– Давайте признаем, что миссия невыполнима, и сосредоточимся на чем-то другом.

– Я видел рекламу новых Patek Philippe. Купим Браге классные часы. Он заценит.

– Нельзя дарить часы на день рождения!

– Это еще почему?

– Примета плохая.

– Господи, Марат, ты хуже моей бабки, – закатывает глаза Назар. – Это же гребаные суеверия. А ты взрослый умный мужик.

– Суеверия не на пустом месте родились, – вяло отбредивается Панаев.

– Стой! Черная кошка!

– Где?!

– Ну вот. Говорю ж – совсем ты двинулся на этой почве, – качает головой Антон, указав на расстилающуюся перед ними водную гладь, где никаких кошек, конечно, нет и быть не может.

– Да пошли вы! – бурчит Панаев, разворачиваясь к берегу.

– Смотрите, какой обидчивый. Ты плакать пошел?

– Нет. Я пошел искать Браге подарок.

– Вот уж баран упертый. Ну не найдешь ты его! Не найдешь!

– Спорим?

– На деньги?

– Угу. Если я нахожу, ты оплачиваешь. Сколько бы это ни стоило.

– Заметано.

– Назар, перебей.

– Что за детский сад? – закатывает глаза Звягинцев.

– Перебей! Тебе чего, запаadlo?

– Я в этом не участвую.

– Саня, перебей ты! – Марат оборачивается к одному из охранников, что был вынужден полезть в море за своим боссом и теперь стоял чуть поодаль, делая вид, будто у него заложило уши. В отличие от Назара, деваться тому было некуда. Хоп. И спор скреплен. Подстегиваемый азартом, Панаев стремительно зашагал к берегу. С чего бы начать? С эскортниц? Так откуда среди них девочке взяться? Тогда... Точно! Он где-то читал, что в сети существуют специальные аукционы...

– Марат Маратыч...

– Если вздумал меня отговаривать, то лучше молчи, – шипит Панаев на увязавшегося за ним следом охранника.

– Да нет. Я, собственно, напротив...

– Что?

– Предложить хочу. Один вариант.

– Seriously?

– Серьезнее некуда, – мрачнеет Саня. – Речь о моей сестре.

– Да ты что, волчара позорный, родную сестру продать хочешь?! – шипит Панаев.

– Ей это только на пользу пойдет, поверь, Марат. Она у меня... как бы это сказать? Девушка специфическая. На уме одна наука, саморазвитие и прочая хрень. Двадцать пять, а она кандидатскую строчит, ходит на японский, фехтование и курсы ораторского мастерства...

– Двадцать пять, и девственница? – сощуривается Панаев.

– Говорю ж, ей не до мужиков. Она вся...

– Да-да, вся в науке. Так бывает вообще?

– Ага. Ночей из-за нее не спим всей семьей. Наука – наукой, но нормальную жизнь никто ведь не отменял! Сколько раз мы ей говорили? Все по боку. Ей мужика бы нормально-го... Который бы всю эту дурь у нее из башки вытрахал.

– Так. Ситуацию вроде бы понял. Но и ты пойми. Мне же надо, чтобы она сама к Браге пришла. С чего ты решил, что недотрога твоя согласится?

– Ради своих макак она пойдет на все, – мрачнеет Саня.

– Каких еще макак?

– Говорю ж, она – ученый. Пишет кандидатскую. Был у нее какой-то грант на исследование то ли макак, то ли шимпанзе. А сейчас что-то там накрылось и... в общем, ей деньги нужны. Сильно. А Назар сказал, что любую сумму заплатит, вот я и вспомнил о Марфе.

– То есть с ней ты еще не говорил?

– Нет, понятное дело. Когда? Но если ты гарантируешь, что ей оплатят всю сумму...

– Так, пойдём-ка, обсудим.

Глава 2

– Было очень круто, скажи же, Марфф? Тебе понравилось?

– Нет, не очень. Пошлость жуткая. Хорошо, что бабуля этого не видела.

– Да какая же это пошлость? Это – иммерсивный театр! Мальчики какие красивые. А этот актер в роли Есенина? Как его? Лугин? Как читал! Как проникновенно читал...

– Если бы он прикрыл свое хозяйство, я бы, может, смогла сосредоточиться на тексте. А так, кажется, в моей жизни еще не было настолько бесполезных трех часов.

Подруги Марффы переглядываются.

– В этом-то и весь смысл! Тебе нужно переключиться. Расслабиться. Отвлечься от мыслей о работе, понимаешь?

– Это нетрудно. У меня ее не-е-ет. – Последнее слово Марфа скорбно протягивает. В носу уже привычным образом колет. И лишь одного хочется – скорее домой, под одеяло. Чтобы как в детстве накрыться с головой и хоть ненадолго забыть о том, что вся ее жизнь рухнула в одночасье.

– Нет, ты опять за свое?

– Ну, прости. Я предупреждала, что из меня сейчас – не лучшая компания. Мое исследование накрылось, кандидатская встала на паузу и...

– И пришло время, наконец, пожить для себя? – с надеждой подсказывает Лиля.

– Ты не понимаешь. – вздыхает Марфа.

– Да уж куда мне, тупой.

– А вот не надо мои слова перевирать! Я такого не говорила.

– А что ты говорила?!

– Что мы хотим от жизни разного. Вот и все. Тебя делают счастливой одни вещи, меня – другие. Это нормально.

– И? Кто тебя делает счастливой? Твои обезьяны? – поджимает губы Лиля.

– Может быть.

– Тогда что тебе стоит приглубить еще одну? – вмешивается в разговор Наталья.

– К чему ты клонишь? – Марфа по очереди прикладывает к уголкам глаз салфетку.

– Вот сколько Валевский тебя домогается? Лет пять ведь, не меньше. Была бы ты поговорчивее, насколько бы легче тебе жилось? Аж под целым ректором!

– Ага. В прямом смысле под ним, – поддакивает Лиля, посмеиваясь.

– Вы совсем, что ли?!

– А чего? Он вполне неплох. Симпатичен даже, несмотря на возраст. Ему сколько? Чуть за шестьдесят?

– Где-то так. Угу.

– Он хорошо сохранился.

– Достижения косметологии? Или удачная пластика? Как думаешь?

– Кровь девственниц, – фыркает Наталья, глядя на Марфу. Та идет стыдливвыми красными пятнами. Далась им ее невинность!

– Ну и ладно. Все равно у Маруськи никого нет. А для здоровья мужик нужен, как ни крути. Ну, ведь правда, Маня! Сколько можно трястись над своим цветочком?

– Я над ним не трясусь! Просто, в отличие от вас, вообще на этом деле не зацикливаюсь. Помимо прочего, Валевский женат! – вяло отбивается Марфа.

– Ох, да кого это останавливало! Зато представь, как ты развернешься, когда не надо будет думать о финансировании твоих исследований. Ну? Круто же! Так, глядишь, и Нобелевку получишь.

– Не знаю, как-то это не по-христиански.

– Марусь, ты – атеистка, забыла? – хохочет Лилька. Что возразить на это, Марфа не знает. Решает сменить тему:

– У меня есть подозрение, что мой грант отозван не без помощи Валевского.

– Ты серьезно?!

– Угу. Поэтому, если я соглашусь, это будет означать, что он победил. А я не могу доставить ему такого удовольствия.

– Даже если твое исследование остановится?

– Оно уже остановилось, – тяжело вздыхает Марфа. – Ну... Почти. Если в ближайшее время не случится какого-то чуда, два года моей работы накроются медным тазом. Я, конечно, бросила клич, но... Надежд почти не осталось.

– Тогда давайте выпьем за то, чтобы ты нашла финансирование!

– Я не пью, вы же знаете.

– Сегодня можно. Тем более красное вино полезно.

– Это чем же?

– Эх ты! Еще и ученый. Вино, чтоб ты знала, выводит из организма радионуклиды.

– Не уверена, что они во мне есть. – Марфа с сомнением проходится взглядом по собственному отражению в зеркале.

– Ну, тараканов-то в тебе полно, а против них винишко тоже весьма эффективно. Так что не спорь! И пей...

– За щедрого мецената, который спасет науку.

Ну, Марфа и выпила. Через час ей стало хорошо. Через два – вообще великолепно. До дома она ехала, во все горло подпевая играющему в такси радио.

I... I will survive. Оу е...

Скидки за концерт таксист не предоставил. Но Марфа не расстроилась. От мужиков она давно не ждала ничего хорошего.

– Маруська?! Ну, наконец-то! Я тебя уже полтора часа жду. Где тебя черти носят?

– Сашка? Ик... Привет. А ты здесь, вообще, какими судьбами? Позвонил бы...

– Так я и звонил. Шесть раз, – закатывает тот глаза. – Ты что – пьяная?

– Кто – я?! Совсем, что ли?

– Да от тебя за километр несет.

– Это, наверное, результаты распада...

– Твоей личности? – хохочет Саша, подталкивая сестру к подъезду. Та останавливается. С трудом фокусирует на нем взгляд и на полном серьезе отвечает:

– Да нет же, радионуклидов.

– Ну, точно пьяная. Марусь...

– М-м-м?

– А когда ты стала злоупотреблять? Может, я еще чего-то не знаю?

– Например?

– Вдруг у тебя мужик появился или... да мало ли.

– Мужик? Ик... Зачем он мне?

– Действительно. Ну... Это хорошо, – в голосе Саши звучит неприкрытое облегчение, которое пьяненькая Марфа пропускает мимо ушей. Покачиваясь, она снимает с плеча сумочку, пытается нашарить ключ, а тот ускользает из-под пальцев, ставших вдруг странно неловкими.

– Упс... да вот же они! – глупо хихикает. – Чай, кофе?

– Ага. Тебе не помешает. Покрепче. Я же по делу, Мань.

– М-да? А по какому?

Саша, признаться, думал, что это будет легче. В смысле донести до Марфы свою мысль. Но с самого начала все пошло не плану. Что ж. Теперь придется импровизировать. Или вообще пойти на попятный. Пока не поздно. Вдруг это «не по плану» – знак?

– Да ты иди, Мань, переоденься. А я пока кофе сварю.

Марфа уходит. Саша нервно оглядывается по сторонам в поисках... а бог его знает, чего. Каких-то признаков жизни. Но в кухне Марфы, как и везде в ее доме, царит идеальный порядок. В шкафчиках ровными рядами выстроились банки для сыпучего и диспенсеры, на столе – ни крошки, плита надраена для зеркального блеска. В мойке сиротливо стоит чашка. И такой порядок особенно удивителен тем, что в расписании Марфы нет ни минуты свободного времени. Александр как-то имел несчастье сунуть в него свой нос. Это ж какой-то... пипец. И, может, кто-то скажет, что это не его дело, что Марфа – взрослая самостоятельная девушка, но... Черт. Да разве это жизнь вообще?!

– Ты уверен в том, что действительно готов предложить сестре такое? – спросил Марат, когда они вернулись на виллу. – Не боишься, что она тебе этого не простит?

– Я ж ее не в карты проиграл. Захочет – откажется. Мое дело – озвучить возможность.

– Ты хоть сам до конца понимаешь, что ей предлагаешь?

– Ну... Переспать, наконец, с мужиком.

– Переспать с Брагиным. Это другое. Он... как бы это сказать? Не будет с ней церемониться. Брага к этому не привык. Он валит и трахает. Правда, до сей поры на это дело никто не жаловался, скорее даже наоборот. – Марат цинично усмехается. – Но это взрослые искушенные бабы. Сечешь, в чем разница?

Саша кивнул. Он уже не один год был приближен к этой фееричной четверке. И видел всякое. Но никогда – намеренной жестокости, или чего-то такого. Будь иначе, он бы в жизни не впутал в это Марфу. А так... Саша свято верил, что у Брагина были все шансы показать ей небо в алмазах. То есть... иную сторону жизни. Любой другой поломал бы об нее зубы. Нет, в теории она, наверное, могла бы переспать с кем-то еще. Но смог бы этот кто-то разбудить в ней женщину? Вряд ли. Саша видел, кто вокруг Марфы крутится. И даже где-то понимал, почему она все еще девочка. Кому там давать? А вот такой, как Брагин... Крутой, состоявшийся, матерый мужик – мог бы запросто ее растормошить. Наглядно показать ей, что она теряет, просиживая в своей лаборатории столько времени.

– Я все понимаю, Марат.

– Ну, смотри. Тогда жду от тебя ответа.

И вот он здесь...

– Подвинься. Я молоко достану.

Пока он варил кофе, Маруська переоделась в толстую фланелевую пижаму. Интересно, была ли его вина в том, что у нее не клеилась личная жизнь? Может, он перестарался, отгоняя от нее в свое время друзей? Глядишь, сейчас бы нянчил племянников и горя не знал.

– Как дела на работе? – решил зайти издалека.

– Никак. Похоже, все накрылось медным тазом.

– И никаких вариантов? Ты не пробовала подойти к дека-

ну? Ну, или к ректору – на крайняк? Он же там у вас самый главный?

– Первый меня считает переоцененной выскочкой, второй – по полной харрасит.

– Чего? На тебя положил глаз Валеvский?

– И не только глаз. Он при каждой возможности кладет на меня... то глаз, то на задницу руку, – Марфа шмыгает носом. Заправляет за ухо пряди и, вдруг осознав, что невольно выдала свою тайну, пугливо прикрывает ладошкой рот. – Ой!

– Я его урою! – шипит Саша, выбираясь из-за стола.

– Нет-нет, стой! Я... Да постой же!

– Ты почему мне раньше ничего не сказала?!

– Именно поэтому. Не надо никого урывать. Я взрослая женщина и сама разберусь со своими проблемами. Не усложняй все.

– Да уж куда сложнее?!

– Иногда кажется – некуда. Ты прав. Но пока я могу преподавать. Этой возможности, в отличие от гранта, у меня не отняли.

Усилием воли Александр берет себя в руки, оседает на стульчик и, раз уж дело само собой об этом зашло, говорит:

– Кстати, что касается финансирования твоих исследований...

– Да?

– У меня есть вариант. Знай, что имеешь полное право послать меня с ним куда подальше.

– Шанс послать тебя упускать нельзя. Осталось понять, куда ты клонишь, – пьяно улыбается Марфа.

– Ты помнишь, на кого я работаю?

– Угу. Неужто он заинтересовался наукой?!

Саша морщится, потому как надежда в глазах сестры – то, чего он недостоин.

– Нет. Все не так. Понимаешь, у него с лучшими друзьями есть такая забава. Каждый раз на день рождения дарить друг другу нечто... эдакое.

– Понятней не стало. Я-то тут при чем?

– Считается, что подарок удался, если он максимально... хм... необычный. В этот раз, например, Браге хотели презентовать вояж в космос. Но возникли технические трудности...

– С челноком? – глаза Марфы загораются хорошо знакомым Саше исследовательским азартом. Он уверен, что в гигантском мозгу сестры наверняка имеются какие-нибудь интересы и в космосе, поэтому спешит поскорей сменить тему:

– Да нет. Не бери в голову. Достаточно понимать, что из этой затеи ничего не вышло. И тогда было решено подарить Браге эксклюзив иного рода.

– Что может быть более эксклюзивным, чем полет в космос?

– Женщина.

– Женщина? – уголки Марфиных губ разочарованно ползут вниз.

– Не обычная женщина. А такая, какой у Брагина еще не было.

– А-а-а! Так он извращенец? – смеется Марфа.

– Нет! Он... своего рода коллекционер.

– Что же он коллекционирует?

– Эмоции. Яркие впечатления и... новый опыт.

– Хм... И что же за женщина сумеет их ему подарить?

– Девственница.

– Дев... чего? – глаза Марфы лезут на лоб.

– Ему хотят подарить девственницу. Платят щедро. Ты сможешь два или три года вообще не думать о деньгах. И преспокойно заниматься своими исследованиями.

– Я?!

– Хм... Да. Если ты все еще...

– Тебя это не касается! – не дает договорить.

– Касается. Если ты захочешь согласиться. Подумай. Я бы никогда не предложил тебе ничего подобного, если бы...

– Если бы что?! – Марфа стискивает кулаки и зло глядит на брата.

– Если бы тебе это хоть чем-то угрожало. Сама подумай. Тебе двадцать пять... Если не сделать этого сейчас, то какой шанс, что ты решишься переспать с мужиком хоть когда-нибудь?!

– В смысле – решусь? Думаешь, я трушу? А ты не допускаешь мысли, что мне просто неинтересна вся эта... возня под одеялом?

– Откуда тебе знать, если ты даже не пробовала?! – орет Саша, и Марфа кричит в ответ:

– Ты же сказал, я могу послать тебя с этим предложением наперевес!

Брат и сестра замирают друг напротив друга. Плечи Марфы начинают подозрительно подрагивать.

– Конечно, можешь, – вздыхает Саша, привлекая к себе сестру. – Конечно. Ну, ты чего? Я просто думал, что это поможет решить твои хм... проблемы с макаками. Брага правда нормальный мужик. Ты в своем окружении такого в жизни не встретишь. Ладно. Проехали.

– Много ты знаешь про мое окружение, – шмыгает носом Маня.

– Знаю. Все сплошь... приматы.

– Ты тоже примат, Сашка, – смеется Марфа.

– А Брагин нет. Он вообще отдельный вид. Тебе бы с ним интересно было даже в чисто исследовательских целях.

– Хм...

Глава 3

Ну, собственно, дожили. Сорок один! Шум-гам, куча разодетого народа, ресторан, выпивка рекой, сначала оркестр, теперь, вот, диджей, все дорого-богато... По статусу. А ведь он не раз говорил, что не хочет никаких вечеринок. Но друзья лишь отмахивались от его слов, списывая нежелание Браги тратить время на подобного рода тусовки на кризис среднего возраста. И гаденько подхихикивали над более возрастным другом. А тот лишь вяло от них отбрехивался. Никакого кризиса у него не было. Стареть он не боялся. Наверное...

Нет, конечно, было у Арса глубоко внутри опасение, что со временем он обленится, станет лысеть, обзаведется брюхом и, наконец, женится, потому что мужику его возраста и статуса это положено... Но вот, продержался же! Ни лысины, ни пуза, ни опостылевшей нелюбимой жены. Ни детишек – единственного стоящего повода женою обзаводиться. Лишь скука... Еще раз скука и отупляющая усталость. Они веселятся, а ему хоть прячься. Собственно, Арсений это и сделал. Нашел относительно спокойное местечко у выхода на террасу. Стоял, попивая вискарь, заныкавшись от гостей, тостов, заискивающего внимания, а город в огнях расстился у его ног.

Минут через десять его уединение чуть не нарушила де-

вушка. Она как-то сразу бросилась ему в глаза своим несоответствием... кхм... обстановке. Хотя так, навскидку, Брага не смог бы сказать, в чем это несоответствие заключалось. Может быть, в отсутствии обвеса, коим грешили все здешние женщины в желании продемонстрировать, у кого цацки богаче, то ли тем, как она себя вела в принципе. Стояла тихонько в сторонке и с нескрываемой досадой на лице пыталась натянуть донельзя короткое платье как можно ниже. Ну, вот и стоило надевать такое, чтобы теперь мучаться? То смыкать вниз, а когда платье по вполне очевидным причинам норовило сползти с груди, тянуть в обратном направлении. Нет, конечно, со стороны за этим весело наблюдать, но ведь девица наверняка рассчитывала совсем на другой эффект, одевшись настолько вызывающе?

Арсений как раз лениво гоняет эти мысли туда-сюда, когда объект его наблюдений устремляется напрямиком к его нычке. Руки девушки на этот раз заняты бокалами с шампанским, и платье в кои веки оставлено в покое. Один бокал девица, зажмурившись, осушает еще на подходе, в несколько глотков, как матерая алкоголичка. Второй пригубляет более медленно, нырнув в тень и подперев стену задницей. Брага стоит чуть левее, куда свет вообще не добивает. Поэтому он девушку видит, а она его – нет. Убедившись, что та пришла не по его душу, Арс расслабляется. И вновь переводит взгляд в зал. Вечеринка в самом разгаре. Народ разгорячен. Кто-то танцует, кто-то хохочет. Кто-то пьет. Кто-то... с жадностью

целуется. И выглядит это так, будто...

– Гос-с-споди, зачем же так далеко засовывать язык? Она же его задушит! – фыркает девица.

– Угу. Как думаете, может, стоит вмешаться? – выдает свое присутствие Брагин. Девушка вздрагивает. Испуганно косится в темноту, где прячется Арс. Чтобы ее успокоить, Брага решает выйти из тени, давая рассмотреть лишь контуры своей массивной фигуры, но не лицо.

– Зачем? – испуганно интересуется незнакомка.

– Так ведь, боюсь, задохнется.

– Собираетесь сделать ему искусственное дыхание?

Ну, вот. Язвит. Значит, уже пришла в норму.

– А вы предлагаете бросить бедолагу на произвол судьбы? – усмехается в ответ Арсений.

– Нет. Я думаю, ничего ему не будет. Даже животные используют в своих брачных играх приемы удушения.

– Серьезно? – Брага не знает, почему ему так весело, но что весело – факт.

– Угу. Правда, на ум приходит обратная ситуация.

– Когда удушению подвергается женщина? – уточняет Арсений, дабы убедиться, что они говорят об одном и том же.

– Самка. – Девица задирает нос. – И эволюция, надо заметить, этому всячески способствует. Вот взять хотя бы жуков-плавунцов. Вы знали, что спаривание у них проходит в воде? Точнее, в воде находится самка. И во время процесса она задыхается.

– Совсем? – закашливается Брага.

– Нет. Но ситуация, согласитесь, мягко сказать, неприятная. Неудивительно, что самка отчаянно сопротивляется происходящему.

– А что же самец?

– А самец ее, естественно, крепко держит и не дает сбегать. Кстати, для этого в ходе эволюции у него даже образовались специальные присоски на лапках. – Незнакомка стучит по локтю длинными аккуратными пальчиками.

– Вот как? А у самки? Ничего не образовалось в ответ? – посмеивается Брагин.

– Самки стали ребристыми, – не оценив его веселья, мстительно бурчит незнакомка. – Теперь жуку-плавунцу живется гораздо сложнее.

– А куча самок, надо полагать, так и помирают, не выполнив своего главного жизненного предназначения.

– Это какого же?

Нет, ну как тут прикажете оставаться серьезным?

– По продолжению рода, конечно же.

– У меня такой статистики нет. – Девица задирает нос еще выше. Оглядевшись, пристраивает бокал на подоконнике и... шагает прочь. А Арсу не хочется ее отпускать. Потому что кто еще ему прочитает такую занятную лекцию?

– Постой! Ты обиделась из-за этих жучих? У них, по крайней мере, есть все шансы выжить! А как насчет богомоллов? Тому самка вообще башку откусывает. Шах и мат. Да куда

же ты?

– На случку, – бурчит девица, и он даже на секунду останавливается, не уверенный, что все расслышал правильно.

– Слушай, ты пьяная? – наконец, догадывается Арсений. Пьяная, симпатичная и, очевидно, чуток больная на голову. Но ведь забавная!

– Недостаточно. Но, кстати, про самку богомола ты очень вовремя вспомнил. Это вариант, если вдруг этот... богомол что-то не так сделает.

Ладно. Может, и не чуток больная... А на всю голову.

– Вот ты где! Мы тебя везде ищем. Ты где прятался?

– Там, где вы меня не нашли.

Назар подслеповато моргает.

– Да. Точно. Ну, пойдем.

– Куда еще?! Я устал как пес. Здравствуйте, Лев Самойлович... Рад вас видеть. О? Это мне такая красота? Вот спасибо. Лизавета Юрьевна, вы с каждой встречей все прекраснее. В следующий раз презентуйте мне хоть пару капель вашего элексира молодости.

Пока Арсений любезничает со старыми приятелями своего отца, Назар терпеливо ждет. Но как только пожилая пара отходит, тут же оттесняет именинника к выходу.

– Надо сваливать. Иначе прощание затянется до утра. А мы еще не вручили тебе подарок.

– Подарок – это хорошо, – врет Брага и потому, что от него этого ждут, изображает на лице интерес: – И где же он?

– Ждет тебя дома.

Очень удачно. Даже ехать никуда не надо. Квартира у Браги аккурат в той же башне, что и ресторан. Двухэтажный пентхаус. Надо только подняться вверх, и вуаля. Просторный холл, из которого просматривается гостиная и...

– А бант надевать обязательно?

– Ну, а какой подарок без банта? Давай сюда. Подними ручки... Или лучше на шею?

Второй голос однозначно принадлежит Марату, а первый... Брага бросает на Звягинцева недоверчивый взгляд через плечо и торопливо пересекает холл.

– Какого черта... – цедит он, недоверчиво обозревая открывшуюся его взгляду картину.

– Хэппи бёздей ту ю! Хэппи бёздей ту ю! – нескладно поют мужики. Остолбеневшая девица стоит, вцепившись пальцами в злосчастный подол платья. Марат толкает незнакомку в бок.

– Пой! Че застыла?

– Что это, мать его, означает?! Кто это? – дергает головой Арс, давая понять, что хватит с него балагана.

– Это твой подарочек. Подарочек, улыбнись, что ты стоишь как неживая? – ухмыляется Марат и, наклонившись к виновнику торжества, уже без всякого веселья в голосе добавляет: – А ты так не рычи. Девчонка – целка. Ты ее пугаешь своей злобной рожей, че, не видишь?

– Вы подарили мне Богомолиху?!

– Бого... кого? – недоуменно сводит брови Антон.

– Я не Богомолиха! – обижается девица. Ну да. А у него еще, между прочим, башка на месте. И он ее кровожадные угрозы помнит очень хорошо.

– Арс, ну ты чего, и правда? – тушует Антон. – Зубы спрячь. Мы же как лучше хотели. Старались... думаешь, так легко ее было найти?

– Она что, правда... того?

– Даже справка есть.

– Выметайтесь, – устало вздыхает Брагин.

– Ты только не сильно зверствуй, ага?

– Не поздно ли ты спохватился?

Девочка. Надо же... Такая красивая, и девочка? Даже не верится. Хотя если задуматься, этот факт вполне объясняется ее придурью.

Мужики уходят, тихонько о чем-то переговариваясь. Девица зябко обхватывает плечи, хотя в апартаментах довольно тепло. В очаге посреди комнаты уютно потрескивает огонь, видно, разожгли для большей романтики. Нет, конечно, от этой троицы можно было ожидать чего угодно, но это... Что ему теперь с нею делать? Нянчиться? Стоит, вон, вся напряженная, будто у нее кол в заднице. А ведь он ту даже не трогал.

Дебильный день. Дебильная ситуация. Брага проводит пятnerней по макушке и выходит обратно в холл.

– Ты тоже давай. С вещами на выход...

– Как? Почему?! – девица срывается с места. Немного пуктаясь в ногах, подбегает к нему. Окутывает теплом и нежным, по-зимнему насыщенным ароматом.

– Считай, ты мне не по вкусу.

– Глупости! – убежденно заявляет девица. Такая самоуверенность даже забавна. Брагин притормаживает. Вскидывает темную бровь.

– Уверена?

– Н-не знаю... В природе обычно внешность самки не имеет никакого значения. А вот самцу приходится принарядиться, чтобы произвести на самочку впечатление. Видели, какой хвост у павлина? И он ведь с таким по джунглям бежит, привлекая внимание хищников. То есть, выбирая между безопасностью и возможностью продолжить род, он предпочитает последнее. Или, допустим, лев...

– Ты вообще затыкаешься?

– Вы же сами спросили! – дует губы. А те у нее красивые. Такие... четко очерченные. Нижняя чуть пухлей верхней, изогнутой луком. Арсений зависает. И реагирует, чего уж. Он в последнее время только с работой трахался, а тут...

– Ага. Спросил. Давай, топай...

– Не могу!

– Почему это? Ноги тебя, конечно, держат слабо, но пока, вроде, носят.

– Если вы меня выгоните, я не получу оговоренное вознаграждение!

А, ну да. Она ж здесь не бесплатно. Брага хмыкает. Тепло, оставшееся внутри после их разговора, вытесняет привычный холодок отчуждения...

– И сколько нынче за девственность дают? – спрашивает он, возвращаясь в гостиную. Достает графин, бокал. Плещет себе выпить.

– Достаточно! – краснеет. – Так мы будем что-нибудь... Как-нибудь... эм... Мы совокупимся?

Господи Иисусе.

– Если у меня не отсохнет от выбранной тобой терминологии! – Рывкает Брага. – Раздевайся.

– Что, прямо здесь? Вот так... обыденно?

– А ты что думала? Я организую свечи, дождь из лепестков роз и Бритни Спирс на подпевках?

– Можно хотя бы предложить выпить и мне, – кивает на бокал в его руках.

– Да ты и так едва на ногах стоишь! Раздевайся. Или уматывай.

– Можно в спальне?

Чертыхаясь, Арсений указывает на коридор. Этого не объяснить, но несмотря ни на что, его настроение опять ползет в гору. Может, поэтому он и прощает девице всю ее дурь.

– А справка-то твоя где?

– Вот! – достает из сумочки. Арсений протягивает руку. Пальцы Богомолихи дрожат. Он надеется, что это не от желания свернуть ему шею. – Может быть, вы мне поможете?

Я это платье сама в жизни не расстегну.

Брага хмыкает. Обходит девицу по кругу. Касается язычка молнии... И дрожь с ее тела очень быстро передается ему.

– А ты говоришь, самки не наряжаются, – усмехается он, отступая на несколько шагов, потому как из этого положения открывается гораздо лучший обзор.

– Вы в справку даже не заглянули, – напоминает девица, проигнорировав его замечание.

– Ее можно купить за пару тысяч в любой поликлинике. Существует намного более проверенный способ. Иди сюда, – хрипло велит Арсений, опускаясь задницей на кровать. Богомолиха, избавившись от платья, смущенно глядит в пол. В то время как Брагин с жадностью скользит вверх по ее длинным ногам в чулках, маленьким трусикам, поясу и... абсолютно голой изумительно полной груди. – Иди сюда, – повторяет сипло.

Девица судорожно сглатывает, грудь мягко колыхается... В несколько шагов она преодолевает комнату. Он отставляет стакан.

– Ложись. Ноги согни в коленях и разведи.

Богомолиха мучительно краснеет. Делает, как он велит. То есть ложится бревном и, зажмурившись, отворачивается к стенке.

– Если ты и дальше планируешь корчить из себя жертву потенциального изнасилования, можешь одеваться и уходить.

– Я не корчу! Я... стесняюсь.

Господи. А ведь судя по всему, так оно и есть. Это он при-
вык, что... Ай, ладно! Нависает над ней, одной ладонью фик-
сирует голову, а пальцами другой отодвигает паутинку тру-
сиков в сторону. В ушах шумит...

– Ч-что ты делаешь?

– Убеждаюсь, что ты та, за кого себя выдаешь. – Брага
осторожно проталкивает один палец в отчаянно сопротивля-
ющуюся обжигающе-горячую тесноту. На висках выступает
пот. Изнутри поднимается волна какого-то странного при-
митивного свойства... – Твою мать, – шепчет Брагин, впи-
ваясь в дрожащие от слез губы. Хочется пожалеть ее, изви-
ниться, сделать хорошо, чтобы стереть плохое. Но все его
планы нарушает настойчивый звонок в дверь.

Глава 4

Арсений шагает к двери, пошатываясь, будто сам здорово перепил. Неопытность Богомолихи неожиданно крепко ударят в голову. Палец влажный едва-едва, конечно, та не успела вспылать к Браге страстью, но и этого вполне достаточно, чтобы у него перед глазами поплыли искрящиеся круги. Какая она мягкая, нежная, тесная. И только его. Его не по факту того, что у нее никого не было... там (в конце концов, существует масса других более изощренных способов быть с мужчиной), а ввиду своей действительно абсолютнейшей неискушенности.

– Я не корчу! Я... стесняюсь. – Вот как прямодушно она объяснила происходящее. И если слезы в голосе еще как-то можно было сыграть, то как заставить себя покраснеть, покрывшись стыдливymi пятнами аж до пяток? Как разогнать собственный пульс, вынуждающий в истерике биться голубую венку на хрупкой шее, как симитировать перебои с дыханием? Да никак. Это чистая физиология. Просто стоит признать, что ему и впрямь достался редкий эксклюзив. Ну и решить, что с ним делать дальше.

Вот кого там принесло?! Какого черта?

– Отец? – изумление Арса выдают лишь чуть приподнятые кверху брови. – Не думал тебя сегодня увидеть.

– Я собирался прилететь раньше, но чертовы ублюдки

опять задержали вылет проверками. Не разбудил?

– Нет. Проходи. В аэропортах сейчас беспредел по всему миру.

Не выгонять же старого черта.

– У меня полчаса. Слышал, на последнем собрании у тебя были терки с Баевским. Почему я узнаю об этом от посторонних людей? Плесни мне выпить...

Арс стискивает челюсти. Ну да... Не стоило даже надеяться, что отец вспомнит о дне рождения. За сорок один год его жизни под звездами ничего не поменялось. Да, в двадцать семь его все же призвали «ко двору», ввели в семейное дело и постепенно даже позволили, чтобы он стал тем, кем должен был стать по праву. Но в их отношениях с отцом потепления не случилось. Арсений прекрасно понимал, что о нем вспомнили только потому, что законные дети старика оказались редкими балбесами, способными лишь прожигать семейное состояние.

– Разве врачи не запретили тебе пить?

– А ты что, устроился в поликлинику на полставки?! Лей, говорю. И ты не ответил по поводу собрания.

– Я предупреждал, что не стану перед тобой отчитываться о каждом своем шаге.

– Я – главный акционер!

– А я управляю активами. Довольно неплохо, надо заметить. При прогнозируемом спаде в двадцать процентов в этом году нам удалось ограничиться тремя. Все проекты, ко-

торые мы профинансировали, на текущий момент запущены и приносят прибыль...

– Это нормально. Или ты ставишь себе в заслугу то, что до сих пор меня не обанкротил?!

Ну почему? Почему, мать его, каждый раз, после разговора со стариком, у Браги складывается ощущение, что он – ни на что негодный второсортный выскочка? Почему ему, блядь, и в сорок приходится доказывать, что он – достойный сын своего отца?! Ну, ведь никому даже в голову не приходит в том сомневаться. И только отец с маниакальным упорством побуждают его это делать снова и снова...

– Если у тебя имеются ко мне какие-то вопросы или претензии... – игнорируя отцовскую просьбу налить ему выпить, Брага берет стакан и плещет в стакан себе. – Можешь их озвучить на совещании, посвященном итогам года. Я отчитаюсь по каждому пункту, так, как это предусмотрено в моем контракте.

– Да что ты, мать его, о себе возомнил?! Думаешь, если какие-то твои проектики на стороне начали приносить прибыль, то можно качать права?! Кто ты без моего имени и моих связей...

– Хочешь проверить? Мой контракт аккурат подходит к концу в новый год.

– Ты мне угрожаешь?!

– Не понимаю, как это возможно. Чтобы я угрожал тебе. – Арсений щедро сдабривает голос сарказмом. – Уверен, ты

запросто найдешь мне замену. Например, того, кто сливает тебе закрытую, в общем-то, информацию.

– В моей компании для меня нет закрытой информации!

– Тем более. Значит, ты сможешь оперативно ввести в курс дела новое руководство, избавив меня от этой необходимости и сэкономив нам обоим кучу времени.

– Говори, говори, да не заговаривайся, – цедит Валерий Георгиевич. У Арса горчит во рту. Наверное, даже если он вывернется наизнанку, не видать ему не то что похвалы, банального «спасибо, сын». Или гребаного «ты молодец». Ну и хер с ним. Он ведь и впрямь давно уже не нуждается ни в чем одобрении. Если так разобраться, Брага вообще не понимает, на кой черт ему геморрой с отцовскими предприятиями. Уж точно не для того, чтобы осуществить свои глупые детские мечты и понравиться маме с папой. Потому как он рано перестал мечтать, лет, наверное, в семь. С тех пор Арсений смотрит на вещи трезво. Кто-то скажет – цинично.

– Тебе ведь даже в голову не приходит, что я не блефую, да?

– Естественно. Я знаю, что ты никуда не денешься.

– Вот интересно, с чего вдруг такая уверенность, – хмыкает Брага, разглядывая отца.

– Ты мой сын.

Арс окунает взгляд в бокал. Старый хрен уверен, что знает все его болевые точки. И может, где-то он даже прав. Чего отец до сих пор не усвоит, так этого того, что Арсений в

гораздо большей степени его сын, чем он думает.

– Ты убедишься, насколько ошибаешься, если еще раз приставишь меня вот так, лицом к стенке, – хмыкает Арс.

– Ты не мой сын? – сощуривается Валерий Георгиевич.

– Твой. Ты же это не один раз проверил, правда? Но только этим я никогда не ограничусь.

Два одинаковых взгляда скрещиваются над журнальным столиком. Иногда Арсению кажется, будто отца бесит сам факт того, что ему все удастся. Может, он воспринимает это как упрек, кто знает? Или как лишнее напоминание о том, что изначально он не то поставил. В любом случае гораздо ближе к правде другое. То, что Арсу в принципе не приходит на ум, а ведь это так просто. Брагин-старший не может простить себе, что ни про одно из достижений своего сына он не может сказать: это благодаря мне, это я в нем воспитал: характер, мужика, это я ему стал примером. Потому как Арсений выковал себя сам, скорее даже вопреки. И это понимают все, чье мнение по-настоящему важно для Брагина-старшего.

– Как там мать?

В этом весь отец. Он никогда не признает, что проиграл в словесной дуэли.

– Понятия не имею.

– Я слышал, в последнее время она стала проявлять к тебе интерес.

В последнее время... Как будто Арсу сейчас это нужно.

– Она опоздала на добрых тридцать лет. В моих интересах теперь, знаешь ли, другие женщины. – Брага криво улыбается.

– Я предпочел бы, чтобы ты остановился на одной. Тебе сегодня сорок один стукнуло, а у меня до сих пор нет внуков.

– О, значит, про мой день рождения ты все-таки помнишь?

Звучит это так, будто ему не плевать. Брага морщится.

– Как забыть такой день? Я даже приготовил тебе подарок.

– Надеюсь, это акции.

– Нет. Закатай губу! – рявкает Валерий Георгиевич. – Вот. Это кортик. Принадлежал твоему деду. Он в Морфлоте служил, не знаю, в курсе ли ты.

Брагин-старший протягивает подарок. Брагин-младший, помедлив, тот принимает. И откладывает в сторону, даже не взглянув. Пусть не думает старый черт, что это для него хоть что-то значит.

– Я, наверное, пойду. Поздно.

Арсений провожает отца и возвращается в спальню. Тянет одеяло и...

– Ч-черт, Богомолиха. Эй... Ты что, спишь?

Ну, зашибись, конечно. И что с ней делать? Будить? Так этот свинтус, пока его не было, выжрал виски из его стакана и теперь спит, аки младенец, обдавая Брагу совсем не младенческим перегаром. Интересный, конечно, способ задержаться в его постели. Какие только не изобретали предпри-

имчивые барышни, но до такого, вот, не додумывались.

Нет. Надо растолкать. Она вообще-то его подарок, а после мозготраха с отцом ему не помешает сбросить напряжение более традиционным сексом. Он даже тянется. Но именно этот момент Богомолиха выбирает для того, чтобы перевернуться на спину. Закидывает за голову лапки и... сладко зевает. Взору Брагина открывается изумительный вид на упругие полушария ее груди и мягкие со сна розовые соски. Возвращается идиотская мысль о том, что до него их никто не трогал. Арс пока не понимает, какого черта это вообще существенно, а потому отступает. Он привык думать прежде, чем что-то делать. Все его действия выверены и взвешены. Ему не свойственны порывы. Как, впрочем, и сантименты. Именно поэтому так... настораживает разливающееся в груди благодатное тепло.

Он сгибает пальцы и тайком касается ее розового соска костяшками. Девочка оказывается отзывчивой. Вершинки буквально на глазах вытягиваются и твердеют. Ну, нет... Это же пипец какой-то. Либо будить, либо спать, чтобы себя не мучать. Интересно, насколько безопасно засыпать рядом с Богомолихой? С другой стороны, что она ему сделает? Ну не открутит же голову, в самом деле! В худшем случае – до смерти заговорит.

Телефон мигает входящим сигналом. Сообщение от матери Брага пропускает, не открывая. Сообщение Марата просматривает.

«Колись, угодили?»

«Ага», – набирает в ответ Арс, не надеясь, что до утра ему кто-то ответит. Но сообщение приходит тут же.

«И как она? Ну, то есть как тебе? Есть какие-нибудь отличия?».

Арсений отбрасывает телефон. Обсуждать такое с другом он не намерен. И пусть раньше он не видел в этом ничего плохого, теперь все иначе. Богомолиха слишком чистенькая, для того чтобы ее пачкать похабными обсуждениями деталей.

Так, стоп! Но таким образом он вроде как подтвердил, что у них было! Получается, она может преспокойненько свалить утром, не отработав.

Девушка опять переворачивается. Закидывает ногу на бедра Арсу и, еще чуть-чуть повозившись, для удобства укладывает головешку ему на грудь. Ладно... Пока он не будет ее трогать. Но это не означает, что Арсений не напомним ей о своих правах утром.

Спит Брага всегда чутко, привычка с интернатского детства. Интернат у него хоть и был непростым, британским, порядки там царили, как и в любом другом закрытом заведении для мальчиков. Расслабляться не приходилось даже ночью. Так что он просыпается ровно в тот момент, когда с губ Богомолихи срывается первый задушенный стон. После чего она резко затыкается, настороженно прислушиваясь к тишине, а убедившись, что Брага спит, крадучись сполза-

ет с кровати. Яркий свет, льющийся в незашторенное по забывчивости окно, подсвечивает ее кожу золотом. Богомолиха наклоняется, судорожно шаря по полу в попытке найти платье. Брага переворачивается на бок и, подперев щеку ладонью, глумливо интересуется:

– Далеко направляешься?

Девушка резко выпрямляется.

– О-о-ох.

– На твоём месте я бы не делал резких движений.

– Спасибо. Не буду.

– Кажется мне, ты собралась сходить, прихватив кое-что мое.

– Что?! Я не воровка! – Богомолиха оборачивается. Косметика поплыла. В глазах детская обида.

– А мне помнится, у тебя осталось кое-что, принадлежащее мне.

– Я... все отдам, – Богомолиха шумно сглатывает. – Просто не сейчас. Я... не очень хорошо себя чувствую.

– Ну а ты как думала? Если пить все, что горит...

– Я всего лишь один стаканчик пропустила. Для смелости!

Не каждый же день мне приходится...

– Ложиться под незнакомых мужиков?

– Не думаю, что вы имеете право меня обсуждать. Да, ситуация щепетильная. Но у меня не было другого выхода.

– Что ж ты такая неоригинальная, а? – вздыхает Брагин. И весь его интерес проходит, как не бывало.

– Почему сразу неоригинальная?

– Да потому что у каждой плечевой на трассе имеется такая история. Признаться, учитывая твоё большое воображение, я рассчитывал на более креативный рассказ.

– А вот не надо меня оскорблять!

– Да это ж комплимент, что ты?

– Другим делайте такие комплименты. А мне не надо.

– Ты права. Хорош разговоров. Иди сюда. И руки опусти... Хочу, знаешь ли, рассмотреть свой подарок в деталях.

– Да бросьте, в нём нет ничего особенного! Уверена, вы видели и лучшие... хм... экземпляры.

– Ну почему же? Грудь у тебя вполне ничего. Полная, мечта всех мужчин...

– А вот и нет! Вы знали, что у наших предков большая грудь была вообще не в почёте?! Например, у приматов молочная железа увеличивалась лишь у кормящих матерей. А кормящая мать – что? Правильно! Не годилась для того, чтобы зачать снова. Вот поэтому обладательницы пышных форм были у самцов не в почёте... Правда занятно?

– Супер. Мне несказанно повезло. Я как раз не собираюсь никого зачинать, – бормочет чутко охреневший от такой лекции Брага и в одно слитное, хищное какое-то движение спрыгивает с кровати.

Глава 5

Господи, какой он огромный! Чудовищно сильный. Как-то Марфа имела возможность провести несколько месяцев, наблюдая за гориллами в их естественной среде обитания. В конце концов, приматы до того к ней привыкли, что даже стали идти на контакт. Так вот, когда на нее шел огромный и клыкастый самец, Марфа ощущала примерно то же, что и теперь. Страх. Благоговение перед его силой. И чувство абсолютной беспомощности. Но в то же время, как ни парадоксально, свою власть над ним. Пусть... Пусть рычит и скалится. Она-то знает, что стоит только дать зверю себя обнюхать, чуть его приласкать, погладить по черной кожаной морде пальчиками и пробежаться ладонью по шерсти, как тот становится абсолютно ручным и покладистым.

Так что, кажется, она знает, с чего ей начать. Благо шерсти у Брагина хватает. От природы он здорово волосат. Но, не в пример обезьянам, хорошо пахнет. Марфе даже жаль, что похмелье не дает ей насладиться этим ароматом как следует. Где-то она читала, что для очень богатых людей в специальных лабораториях разрабатываются эксклюзивные ароматы. Признаться, она не очень-то поверила этому поначалу, а теперь вот убедилась. Парфюм Брагина не похож ни на один из тех, что ей доводилось обонять до этого. М-м-м... Стоп! А она?! От нее же разит, как...

– Нет! Погодите!

– Ну что такое опять?! – недовольно морщится Брагин.

– Ничего. Вы, главное, поймите меня правильно. Я не отказываюсь от... сделки. Но... Простите, как я могу вас называть?

Брагин сощуривается. Глаза у него совсем не обезьяньи. Голубые-голубые, как лазеры.

– Арсений.

– Арсений, сами подумайте, разве я в таком состоянии смогу... э-э-э... доставить вам удовольствие? Вряд ли. Не могли бы мы встретиться в другой день? Я привела бы себя в чувство и... – Марфа замолкает, в попытке справиться с очередным рвотным позывом, но очень скоро понимает, что ни черта у нее не выйдет, и, выпучив глаза, хрипит: – Где туалет?!

– Вон дверь, – цедит сквозь зубы Брагин. Неужто он думает, будто Марфе нравится это ужасное состояние?! Откуда ей было знать, что от виски, смешанного с шампанским, может быть так плохо? Она же выпила не так уж много, чисто для смелости. К тому моменту сто раз уже пожалев, что себя продала.

– О горе мне!

Если бы у Марфы были силы, она бы рассмеялась. Потому что из уст Брагина это звучит один в один как в том советском фильме. «Иван Васильевич меняет профессию», кажется. Наверное, это истерика. Ситуация просто кошмарная.

Если бы Мане кто-то сказал, что ее будет выворачивать на глазах у одного из самых влиятельных и богатых мужиков страны, она бы посоветовала безумцу обратиться в больницу.

– Выйдите, пожалуйста. Мне ужасно неловко.

В ответ на вполне резонную просьбу Марфы Брагин разверзается потоком отборной брани. Хм... Может, с ним будет чуть сложнее, чем с самцом гориллы, признает Марфа, с трудом поднимаясь с колен.

– Душ сама примешь?

Душ. Господи, как же хочется вымыться! Кажется, алкогольные пары покрыли ее кожу липкой смердящей пленкой. Нет, все же хорошо, что ей удалось настоять на своем. Даже бесплатно нельзя предлагать себя мужчине в таком непрезентабельном виде, а уж за деньги...

– Сама.

– Я буду поблизости. Если что – кричи.

– Спасибо вам больше, Арсений. Вы очень благородный мужчина и...

– А ты – сплошной геморрой, – отвечает не очень-то любезно, разворачивается на пятках и уходит.

– Я исправлюсь... – кричит ему Маня вслед.

Душ у Брагина вполне обычный. Тропический. От душевых в домах простых смертных он отличается лишь габаритами, ценой смесителей и использованных в отделке материалов. Маня долго-долго стоит под водой. Потом чистит зубы

заранее выданной щеткой, оглядывается в поисках какой-то одежды и находит огромный банный халат. Выходит, завернувшись в него до самых пят, и натывается на взгляд стоящего у журнального столика человека в голубой медицинской робе.

Неужто она заболтала Брагина до того, что тот прислал за ней санитаров?

– Добрый день. Меня зовут Алексей. Вы можете прилечь. Так будет удобнее.

– Удобнее для чего? Я не совсем понимаю... – Марфу накрывает легкой паникой. Она в любопытстве озирается и натывается на взгляд Арсения. Тот стоит у стола, держа в руках какие-то документы. И выглядит таким до зубовного скрежета свежим, что хочется его пнуть.

– Это врач. Он приведет тебя в чувство. Пара капельниц – и будешь огурцом. А я пока поработаю. У тебя нет аллергии на лекарства?

В смысле? У Брагина есть специальный врач от похмелья? Марфа настолько шокирована, что природное красноречие ей отказывает.

– Нет. И вообще мне уже лучше. Отлежусь пару деньков и...

– У меня нет этого времени. Через два часа мы уезжаем. Из глотки Марфы рвется куча вопросов и возражений. Что значит – уезжаем? Как надолго? Куда? Но задать их не дает понимание того, что она и так уже слишком злоупотре-

била. Вниманием, терпением, временем... Да по большому счету всем тем, что для богатеев вроде Брагина представляет собой наивысшую ценность.

Подумать только, собственный врач от похмелья! Все еще недоверчиво качая головой, Марфа ложится. С опаской протягивает руку. Для собственного спокойствия уточняет у доктора, что ей собираются капать, и, к удивлению, получает довольно подробный ответ. Почему к удивлению? Да потому что она до последнего ждет какой-то подставы. А ее нет. Капельница монотонно капает, таблетки потихоньку действуют, в приоткрытое окно тянет морозцем. И все вместе это здорово притупляет ее мигрень. Марфа то погружается в сон, то, вынырнув на поверхность, исподтишка наблюдает за сидящим за столом у окна Брагиным. Который ей, стоит признать, чисто по-женски нравится. Этот факт и становится решающим, когда она соглашается на предложение Сашки. Деньги деньгами, но даже ради своих обезьян Марфа вряд ли бы согласилась переспать с кем попало. Брагин однозначно кем попало не был. Уж если с кем и лишаться опостылившей ей невинности, то с ним. На шелковых простынях, в башне с видом на город. Все же в определенные моменты в Марфе пробуждается обычная девочка, которая хочет, чтобы все было красиво.

– Хочешь что-то спросить?

Угу. Например, у тебя, чего, глаза на затылке?! Все же зверь он – как есть зверь. Чует...

– Хм. В рамках уговора с твоими друзьями я задолжала тебе лишь свою девственность. А ты хочешь меня увезти. И я не знаю даже, куда и насколько.

– Тебе напомнить, что я не смог истребовать с тебя долг потому, что ты то спала, пьяная в дрезину, то блевала?

Марфа чувствует, как ее щеки обжигает румянец. А чего она хотела?

– Т-ты прав. Из-вини.

– Ничего. Мы здесь неподалеку будем. Захочешь потом уехать – я не стану тебя держать. Захочешь остаться – я немного накину к твоему... хм... гонорару. Сколько там, говоришь, за тебя дали?

– Это неважно! Сумма вполне достаточная, и я уверена, что после того, как все случится, у меня совершенно точно не возникнет желания повторить.

И тут Брага улыбается. Скупое так, но клыки видны. Они у него больше, чем в среднем у самцов человеческого вида. В природе такие – верный признак агрессивности. У Марфы сводит живот. Она себе врет, что от страха.

– А вдруг тебе понравится? М-м-м?

– Т-тогда тем более будет нечестно требовать с вас отдельную плату!

Арсений замирает. Смотрит на нее как-то странно, будто у нее рога выросли! А потом откидывает голову и разверзается громким хохотом. Смех у него такой... грудной, завораживающий. Он как будто проникает в нее и тянет за ка-

кие-то потаенные ниточки.

– Значит, если тебе понравится, у меня будет халявный секс?

– Ключевое слово «если». – Марфа надменно поджимает губы.

– М-м-м, значит, мне придется постараться, – Брагин садится рядом с ней на постель. Касается ее пальцев своими, будто хочет переплести их руки. Ведет вверх, разгоняя по коже стайки мурашек, заставляя ее дрожать. Наклоняется ниже. Ниже... Марфа невольно тоже к нему тянется, приоткрывает губы и...

– Вот так. В этом деле главное не упустить, когда раствор закончится.

Брагин довольно ловко вытаскивает из вены Марфы иглу и прижимает спиртовую салфетку к ранке. Маня ословело моргает. Чего? И это все? А она уже... Она что? Хотела, чтобы он ее поцеловал? Да ну. Глупости.

– Не смотри так. Если я тебя по-настоящему коснусь, то здесь мы и останемся.

– И ничего я не смотрю.

– Ну да, – усмехается Арсений. – Вставай, нам уже пора.

– Постой! А что я надену? У меня же ничего нет, кроме этого ужасного платья. Даже пальто осталось в гардеробе ресторана, – расстроено шмыгает носом. Пальто у нее хорошее. На него ушла вся ее премия.

– Там тебе привезли кое-какую одежду. Но вообще под-

разумеается, что она тебе не понадобится.

Марфу снова бросает в жар. Она бочком, стараясь не смотреть на Брагина, выбирается из кровати. Прислушивается к себе и с удивлением понимает, что ей действительно намного лучше.

– Одевайся. И выходи к завтраку.

В пакетах, оставленных в гардеробной, находятся простые на первый взгляд вещи. Свитер, брюки, теплый спортивный костюм, белье... И даже куртка с шапкой и варежками. И... сапоги! Все от известных брендов. А главное, ей все вполне подходит. Да уж. Брагин хорошо ориентируется в женских размерах. Наверняка сказывается большой опыт. Уж точно она не первая, кого он берется одевать на свой вкус. Марфа натягивает на себя спортивный костюм и зло собирает роскошные волосы на затылке.

Арсений находится, как и сказал, в кухне.

– Костюмчик тебе идет. Присаживайся.

– Спасибо. Я все верну. Не стоило так тратить.

– Слушай, из тебя выходит какая-то хреновая путана.

– А у тебя большой опыт в этом вопросе? – язвит Марфа.

– Женщины продажны, – равнодушно пожимает плечами Брага.

– Что поделать? Природа изначально поставила нас в неравные условия, наградив самцов большей силой. Самкам долгое время не оставалось ничего, кроме как...

– Торговать собой?

– Вроде того. – Марфа осторожно разрезает стоящий перед ней оmlет. – От этого зависела выживаемость вида, знаешь ли. В обмен на секс самка выторговывала себе еду, крышу над головой и покровительство более сильного самца. С течением времени такая стратегия привела к образованию прочных семейных связей и моногамии. Если тебе интересно, ученые называют эту стратегию «секс в обмен на продовольствие». Так что мы выжили и стали теми, кто мы есть, в том числе благодаря холодному расчету наших прародительниц.

– Озвереть. Ты под любую дурь можешь подвести научную концепцию, правда?

– Почему сразу дурь? Это доказанный факт. И вообще. Мы опять препираемся, а ведь я хотела тебя поблагодарить.

– За что же?

– За проявленное ко мне терпение. Я знаю, что все вышло, мягко скажем, не так, как ты ожидал, и очень благодарна за понимание. Обещаю сделать все от меня зависящее, чтобы тебя не разочаровать. Это будет справедливо.

Марфа заканчивает скомканно, стушевавшись под его пробирающим до костей взглядом.

– Хм... Даже не знаю, что сказать.

– Ничего. Я вообще предпочла бы закрыть эту тему. Что толку о ней вспоминать?

– Учитывая, что нам предстоит провести некоторое время вместе, забыть об этом будет несколько сложно. Тебе так не

кажется?

– Нет. Мы можем придумать историю, которая бы все объяснила.

– Какую, например? – хмыкает Брага.

– Например, можно притвориться, что мы влюблены друг в друга.

– Хм... Влюблены? Как интересно. Давай попробуем. С чего обычно начинают влюбленные?

– Ну... Сначала они стремятся узнать друг друга получше.

– Мне подходит. Начнем с простого. Как тебя зовут, Богомолиха?

– Марфа.

– Сколько тебе лет?

– У девушки не принято это спрашивать. Скажу только, что возраста согласия я достигла.

– Да ты кокетка! Меня больше интересует, как далеко тебе осталось до пенсии.

– Я что, так плохо выгляжу?

– Наоборот. Будь ты страшна как смертный грех, я бы не удивился, что ты до сих пор девочка.

– Что ж тут удивительного? Я же тебя ждала. – Марфа театрально складывает на груди руки.

– А, вон оно что. Ну, что ж... Ты дождалась. Поздравляю.

Глава 6

Марфа не может избавиться от ощущения, что она Брагина забавляет. Ничего плохого в этом вроде бы нет. Но она не уверена, что хочет пробуждать в нем именно эти чувства. Глупенькая девочка, которая в ней живет, желает нравиться, восхищать, заводить, да что угодно, но отнюдь не быть смешной. Хотя... В случае с Брагой это, может, и самый действенный способ удержать его внимание подольше. Улыбается он редко. И почти никогда не смеется. Что неудивительно, учитывая, с каким отцом он рос. Да-да, Маня не только слышала их разговор, но даже чуть было не вмешалась. Уж очень ей хотелось войти и поинтересоваться, кто учил упыря разговаривать с детьми так?! И пофиг ей, что «детке» старого козла сорок один стукнуло... Никогда не поздно нанести человеку травму, а у родителей в этом плане ну просто божественный дар. Словом, в стороне Марфа осталась лишь потому, что Арсений и сам неплохо справлялся с наукой «как поставить отца на место». Да и выпитое виски к тому моменту еще не до конца действовало.

— Это за нами. — Брага кивает на микроавтобус. Маня выпучивает глаза. Признаться, она ожидала, что поедут они по меньшей мере на Феррари. Олигарх он или кто?! А тут да, Мерседес, да, очевидно, новой модели, но... модели микроавтобуса. В чем подвох, Марфа понимает, лишь забравшись

в салон. Никаких рядов кресел здесь нет и в помине. Всего несколько сидений, которые в одно касание полностью раскладываются, образуя вполне комфортное место для отдыха. Всюду кожа, отделка из ценных пород дерева. Магнитола, подставка под ноутбук. Откидные столики...

– А где же минибар и шампанское? – шутит Маня, чтобы сбросить вновь накатившую неловкость, которая неизбежна, когда сталкиваются два человека из совершенно разных миров. В ответ Брага иронично приподнимает бровь, жмет какие-то кнопочки. Панель между креслами с жужжанием отодвигается, и глазам Марфы открывается... бар. Бокалы, бутылки, какие-то снеки. Маня недоверчиво касается акциза на бутылке и в ту же секунду получает по рукам.

– Больше никакого бухла!

– Да я и не собиралась пить!

– Ага.

– Просто потрогала!

– Лучше потрогай меня. – Занудствующий до этого Брагин резко меняет тему... и тембр. Добавляет к голосу глубоких чувственных ноток. И снова те, проникая ей в уши, устремляются к животу. Марфа закусывает губу, плотней сжимает ноги...

– Почему ты отводишь взгляд?

– Потому что прямой взгляд в природе обычно вызывает агрессию. Например, обезьяны. Ты обращал внимание, какие темные у них белки? Почти сливаются с радужкой.

Поэтому на расстоянии почти невозможно определить, куда обезьяна смотрит и... – на нервной почве Маня разрождается очередной лекцией. Это та почва, на которой она чувствует себя уверенно, а значит, и в безопасности, жаль, в этот раз Брагин не позволяет заговорить ему зубы. Нагло перехватывая инициативу, он дергает Маню за руку, а когда та, оборвавшись на полуслове, падает ему на грудь, с жадностью впивается в ее губы. Рот у него горячий. И такой умелый, знаете! Марфа это понимает, даже несмотря на собственный небогатый опыт. Юркий язык толкается между зубов, проникает в рот, касается самым кончиком ее языка, обводит по кругу, отнимая дыхание, и медленно-медленно отступает. Маню слегка трясет. Его губы застывают в каких-то миллиметрах. Такие красивые, что... Марфа решительно наклоняется и несильно впивается в его нижнюю губу зубками. А что? Он сам начал. Пусть не думает теперь, что это сойдет ему с рук! Исследовательский интерес – он такой... Безудержный. В ответ Брагин судорожно выталкивает воздух носом, накрывает ладонью ее затылок и в одно движение подминает Марфу под себя.

– А ты быстро учишься, – сипит, проникая рукой под резинку худы.

– Угу... – Маня делает то же самое. Живот у Арса подтянутый и... шерстяной. Ум-м-м, как ей нравится. Марфа поглаживает мягкую поросль и представляет, что почувствует, когда он ляжет сверху. Она гладкая как шелк. Он – нет. Она

легкая как пушинка и беззащитная. Он тяжелый, большой и доминирующий. Это же наверняка невыносимо приятно. Почему она столько лет думала, что ей совершенно не понравится секс?!

Брагин задирает худи вверх, обнажая грудь в кружевном бюстгалтере. Как большая хищная кошка, утыкается носом в сосок. Трется, теребит туда-сюда, кусает, пока тот не становится ну просто каменным. Так Мане неудобно. Так она совершенно не может касаться Арса в ответ. Лишь скользить ноготками по спине. Такой же мощной, как все остальное... Очерчивая каждую мышцу и сухожилие, проговаривая их названия про себя, чтобы чуток остыть.

– Ар-р... Кошка царапучая, – шипит Арс, отстраняясь от нее на секунду.

– Не отвлекайся. Вот тут было очень приятно...

– Признаться, я не ждал такой раскрепощенности от недо-троги.

– Все дело в тебе. Не каждому дано заставить женщину забыть о добродетели. – Маня очень стесняется, но просто не может остаться у Браги в долгу. Вот почему она ерничает и с намеком надавливает ладошкой ему на макушку. К тому же она умная. Она знает, что лестью от мужика можно добиться чего угодно. И даже в этом ёрничанье льстит ему напропалую. А Брагин – вот же черт! – тоже не дурак. Раскусывает ее в два счета.

– О добродетели, значит? – Смеется, зараза. – Даже инте-

ресно, к какой терминологии ты прибегнешь дальше.

– Ну тебя, – бурчит Маня, розовея и отворачиваясь к окну.

– Нет-нет. погоди! Мы же не закончили.

– Чего еще?

Арс фиксирует ее лицо ладонью и скользит по нему бесячим в своей въедливой пристальности взглядом.

– Объясни, правда ведь интересно! Как, будучи настолько чувственной барышней, ты умудрилась остаться девочкой?

– Неспециально! Такой задачи я перед собой не ставила. И вообще я не знала, что...

– Что?

– Это может быть так.

– Ты сейчас опять мне льстишь?

– И не думала даже. Кое-кто и без этого излишне самодовольный.

– Угу. – Брагин ухмыляется. – Но я тебе нравлюсь.

– Да я вообще тебя люблю! Ты что, забыл? – напоминает Марфа об их идиотской договорённости. Арс моргает. Ведет по ее лицу большим пальцем от уха к уголку губ. Надавливает. Он же не хочет... А нет. Хочет. Глядя ему в глаза, Маня послушно приоткрывает губы. Палец чувственно погружается в рот.

– А тут ты тоже девочка? – глаза Арсения темнеют, наполняются дьявольской давящей требовательностью. Марфа сглатывает и, глядя на него как кролик на удава, медленно

кивает. — Хорошо, — довольно жмурится. — Это ненадолго.

Что хорошо на самом деле, так это то, что Маня уже лежит. Потому как последнее замечание Арса с силой бьет под колени. Ноги становятся ватными, непослушными, как сосиски. Тело тяжелеет, рот неожиданно наполняется вязкой слюной, а между ног становится так влажно, как никогда еще не было. Ее тело, буквально каждую клеточку, наполняет жар... Арсений это замечает. Он, наверное, и говорит все эти сладкие пошлости лишь для того, чтобы понаблюдать за ее реакцией. Марфа с усилием сглатывает, закрывает глаза и в отместку начинает медленно, со вкусом обсасывать его палец. Брага в ответ от души чертыхается. Толкается бедрами в ноющее местечко между ее широко расставленных ног.

К несчастью, именно в этот сладкий момент у него звонит телефон.

— Твою же... Да!

— Арсений? Добрый день, сынок. Я, кажется, помешала? Вот сколько ни считаю разницу во времени, все равно каждый раз ошибаюсь.

— Все нормально. Ты что-то хотела?

— Я хотела поздравить сына с днем рождения, — после короткой заминки иронично замечает довольно приятный женский голос в трубке. Марфа одергивает одежду, как школьница, застуканная на горячем.

— Мой день рождения был вчера.

— Я помню. Поэтому именно вчера я и прислала тебе по-

дарок. Но ты не открыл мое сообщение, а между тем в нем твой соляр на будущий год, просчитанный аж самим учителем.

– Соляр? Это еще что такое?

– Гороскоп на будущий год.

– Я сто раз тебе уже говорил, что не верю во всю эту хрень!

– А от тебя и не требуется никакой веры. Просто посмотри на рекомендации. Они помогут тебе не наломать дров. Судя по всему, в этом году ты можешь совершить самую большую ошибку в своей жизни.

– Моей самой большой ошибкой было дать тебе этот номер.

Арсений злится. Его злость ощущается как что-то реальное, имеющее вес и плоть. Марфа, что отодвинулась от него подальше, как только зазвонил телефон, пододвигается вновь вплотную. Кладет руку на вздымающуюся в рваном ритме грудь и принимается осторожно поглаживать в попытке успокоить разбушевавшегося зверя.

– Извини. Я думала, что, может, хоть так смогу поучаствовать в твоей жизни.

– Не понимаю, зачем тебе это понадобилось спустя столько лет. Я уже сто раз говорил, что тебе не удастся вытащишь из меня ни копейки!

– А я сто раз тебе отвечала, что не нуждаюсь в твоих деньгах. Мне вполне хватает своих.

– И это возвращает нас к вопросу о том, что тебе от меня

надо.

– Да ничего. Ты вообще меня слышишь?! Я просто хочу общаться со своим сыном и внуками.

– Как-то припозднилась ты с этим желанием. Не находишь? А с внуками вообще выходит какой-то фальстарт. Или же я чего-то не знаю, и у тебя кроме меня есть другие дети?

– Нет, Арсений. К сожалению, ты мой единственный сын. Но если ты откроешь соляр, который я тебе прислала, и сделаешь из него выводы, у меня есть шанс стать бабушкой для целого детского сада. – Салон машины наполняет тихий приятный смех.

– У тебя все? – сощуривается Брага.

– У меня да. Не буду тебя отвлекать. С днем рождения, сыночек.

Брагин вырубает связь и резко поднимается, несмотря на то, что головка Мани так и лежит у него на груди. Вновь жужжит дверца бара. Арсений берет стакан и плещет себе выпить. Да уж. Похоже, у него не сложилось с обоими родителями сразу. Но если в случае с упырем Марфа вполне понимает Арса, то в случае с матерью...

– Значит, ты правда даже не заглянешь в этот, как его...

– Соляр. Нет, не загляну.

– Хм... А можно мне посмотреть?

– Это еще зачем?

– Ну, во-первых, мне просто интересно. А во-вторых, как-

то, знаешь ли, боязно спать с мужиком, которому в ближайший год целый детский сад нагадали.

Брага давится вискарем. Слезы брызжут из глаз. Несколько секунд он, открыв рот, пялится на Марфу, а потом презрительно кривит губы:

– Как будто ты бы упустила шанс от меня родить, представь я тебе такую возможность.

– В каком это смысле? – Марфа хмурится. Подбирает под себя ноги. – А-а-а, думаешь, любая спит и видит, как бы от тебя залететь?

– Не думаю. Знаю.

– Ну, может быть, другие... А у меня на этот счет своя точка зрения.

– Неужели? – Брагин отставляет стакан. – И какая же?

– В качестве отца для собственного ребенка я бы выбрала мужчину помоложе.

– Чего?

– Не в обиду сказано, но тебе сорок один... Ты на шестнадцать лет меня старше и...

– Кажется, кому-то хочется на собственном опыте убедиться, что я еще о-го-го? – Сощуривается.

– Это бесспорно. Уверена, как любовник, ты меня удивишь. Но, видишь ли, в вопросах продолжения рода твоя... э-э-э... выносливость не имеет никакого значения. Тут гораздо важнее качество спермы, а с возрастом та не становится лучше, знаешь ли. И не надо так на меня смотреть. Это

доказанный факт. После тридцати пяти у любого мужчины в сперматозоидах ежегодно образуется порядка тридцати-сорока мутаций. Это приводит к повышению риска рождения детей с серьезными заболеваниями, так что...

– Так что? – сощуривается Брага.

– Извини, но, как отец для моих будущих малюток, ты вообще никуда не годишься.

– Ты не баба, – рывкает Брагин. – Ты гребаная яйцедрилка! Напомни, зачем я тебя с собой взял?!

– Затем, что ты от меня без ума, забыл? И вообще... ты что, расстроился? Вот уж совершенно напрасно. Ты же сам не хочешь детей, верно? – Марфа невинно хлопает ресницами, но прекрасно понимает, что этим она лишь сильнее Брагу бесит. Одно дело – не хотеть детишек самому, а совсем другое – когда твой партнер их от тебя не хочет. Логика в этом – ноль, а вот самолюбия – мама дорогая! Разве можно не хотеть детей от такого во всех смыслах замечательного экземпляра? А вот обломись. Сядь в уголочке и подумай над своим поведением.

– Я не расстроился! – рывкает Брага.

– Вот и хорошо. Как я уже сказала, для этого нет совершенно никакого повода. Уверена, ты найдешь женщину, которая родит тебе хоть в восемьдесят. Что там за ребеночек получится, конечно, неясно, но...

– Вот лучше просто заткнись!

Глава 7

Брагин не может избавиться от ощущения, что она над ним издевается. Нет, конечно, у глупышки для этого слишком незатейливый ум, но ведь говорят, что везет дуракам и пьяницам? Очевидно, поскольку Маня попадает под обе эти категории сразу, ей и фартит вдвойне. Бьет девочка метко. Да по таким болевым точкам, о существовании которых Арс даже не догадывался. Подумаешь. Детей нет... Так он их и не хочет особенно. Тем более от настолько отбитой бабы, как Марфа.

– В твоей справке помимо прочего написано, что ты абсолютно здорова.

– Д-да. Мне пришлось сдать анализы. И, между прочим, это страшная дискриминация, ведь результаты твоих мне никто предоставлять не стал.

Ну, вот. А он о чем? Отбитая она и есть. Но в большинстве своем это даже весело.

– Пожалуйся в комиссию по правам человека.

– Зачем же такие сложности? Ты просто воспользуешься презервативом, который в случае чего меня защитит.

– Да уж не сомневайся. Сама-то ты небось не предохраняешься?

– Как ты правильно догадался, до сегодняшнего дня в этом не было совершенно никакой необходимости.

Пока Брагин соображает, что бы ей такого ответить, Марфа утыкается в телефон. Что-то там строчит. Хмурится...

– Подружки?

– Хуже. Брат. У тебя, кстати, нет зарядки?

– Зарядишь в отеле. Мы почти приехали.

Отель – приземистый главный корпус и домики, разбросанные по берегу живописного озера. Они займут самый большой в отдалении. Охрана – домик поменьше рядом. Брагин любит это место за возможность уединиться, хорошую кухню и еще – лучший массаж. Хотя, конечно, люди его достатка обычно останавливаются в заведениях классом выше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.